

Отзыв
официального оппонента Элерта Александра Христиановича
на диссертацию Чернышова Сергея Андреевича
«Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири
накануне и в начальный период русской колонизации»
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертационное исследование С.А. Чернышова «Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации» выполнено на весьма актуальную тему. Сейчас существует настоятельная потребность в объективной и непредвзятой оценке истории включения Сибири, в том числе и Западной, в состав Российского государства. Несомненно, что эта тема имеет большое политическое значение и долгое время (отчасти и сейчас!) ее изучение находилось под непосредственным контролем и влиянием официально признанных, всякий раз «единственно правильных» концепций: завоевание, присоединение, мирное включение, снова завоевание и, наконец, добровольное вхождение. Диссертационное сочинение С.А. Чернышова, посвященное политическим институтам Западной Сибири накануне и в начале присоединения Западной Сибири к Московскому государству, структурам управления аборигенного общества, границам государственных и протогосударственных объединений, их взаимоотношениям между собой и с соседними государствами трудно поддается такой классификации, поскольку оно основано на фактах и их добросовестном анализе и интерпретации.

Научные публикации ученых-сибиреведов XIX в. П. А. Словцова, П. Н. Буцинского, Н. М. Ядринцева и других историков, пытавшихся показать судьбу государств и народов после присоединения Сибири к Московскому царству, растворились в общем массиве прогосударственных изданий. Не изменилась ситуация и в советское время. Только с образованием Российской Федерации и формированием республиканских Академий наук – Якутии-Саха, Татарстана и др. исследования дорусских государственных образований стали оформляться в отдельное научное направление. Но эти исследования, например, ученых Казани Д. М. Исхакова, И. Л. Измайлова и других, имеют определенную направленность в определении сибирских государств как неотъемлемых частей единого тюрко-татарского мира, тогда как сибирские образования имели много специфичных, традиционных только для Сибири линий развития государственных институтов и в данном случае диссертационное сочинение Сергея Андреевича Чернышова демонстрирует нам особенности формирования и развития сибирской государственности в указанный период.

Основной целью исследования автор провозгласил «выявление особенностей развития и форм государственности у аборигенного населения Западной Сибири в дорусский период». Для реализации поставленных во Введении задач С.А. Чернышов использовал обширный комплекс источников – летописи, законодательные акты, делопроизводственные и статистические материалы, документы личного происхождения, литературные памятники, материалы археологических исследований. Несомненным достоинством работы является плодотворное обращение к материалам целого ряда научных дисциплин – истории, географии, климатологии, экономики, политологии и др.

Структура диссертации, состоящей из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и одного приложения соответствует четко

сформулированным целям и задачам работы. Определения предмета и объекта исследования, его территориальных и хронологических рамок не вызывают возражения. Разделы Введения, в которых характеризуются методология и методы исследования, во многих диссертациях носят декларативный характер. В диссертации С.А. Чернышова заявленные во Введении методология и методы не просто активно используются – они составляют ту прочную теоретическую основу, на которой базируются все основные положения работы.

Предложенная автором периодизация историографии по теме в целом выглядит логичной, однако, на наш взгляд, характеристика современного (постсоветского) периода слишком категорична и страдает однобокостью. Автор, в частности, утверждает, что в вопросе о характере процесса присоединения Сибири к России «постсоветские историки вернулись к концепции завоевания Сибири, предложенной Г.Ф. Миллером» (с. 13). А как же тогда быть с тем фактом, что в постсоветские годы в ряде автономных республик Сибири были торжественно отмечены юбилеи «добровольного» вхождения народов этих республик в состав России? А ведь заключения о добровольности были сделаны экспертами из числа известных историков. Не очень понятно игнорирование работ уральских историков, посвященных истории Западной Сибири, в том числе западносибирских княжеств («История Ханты-Мансийского автономного округа...», «Очерки истории Югры», «Очерки истории Коды» и др.). Исключение здесь составляют лишь работы М.О. Акишина.

К вопросу о терминологии. С.А. Чернышов во Введении говорит о Сибирском ханстве и «иных потестарных образованиях» Западной Сибири (с. 19). Если использование термина «государство» автор объясняет, то его понимание термина «потестарное образование» остается неизвестным. Впрочем, в тексте глав это определение практически отсутствует, как и термин «протогосударство» и другие определения политических объединений, у которых отсутствовал необходимый набор признаков государства в его классическом виде.

Первая глава посвящена экономико-географическим факторам формирования государственности народов Западной Сибири: природно-климатическим зонам, хозяйственно-культурным типам народов региона к XVI–XVII вв. и его месту в системе международных связей. Автор справедливо отмечает, что комплексное использование природных ресурсов (охота, рыболовство, скотоводство, собирательство) в ряде районов Западной Сибири не только гарантировало стабильность развития местного тюркоязычного и угорского населения, но и способствовало установлению торговых отношений между различными политическими объединениями.

Концентрация природных ископаемых, прежде всего металлов в районах Южной Сибири и Центральной Азии вела к складыванию меридиональной торговли вплоть до полярных областей региона. Развитие торговли по северным ответвлениям Шелкового пути стимулировало прокладывание широтных торговых путей. Немаловажной деталью в сочинении является то, что торговые отношения не ограничиваются сопредельными территориями, а продолжают в Китай, арабские страны, Центральную и Западную Европу, что позволяет увидеть Западную Сибирь в контексте всей евразийской торговли. Как справедливо отмечает Сергей Андреевич, стратегическое положение Сибирского ханства, которое в определенный момент позволило хану Кучуму контролировать основной поток экспорта пушнины, во многом предопределило и его разгром. Такой контроль стал неприемлем для развития торговых отношений, как для среднеазиатских, так и для европейских государств.

Важным фактором истории Сибирского ханства и других государственных образований Западной Сибири XVI вв. автор совершенно справедливо называет их зависимость от поставок целого ряда товаров, в первую очередь оружия, доспехов, конской сбруи, а также тканей и других необходимых товаров повседневного спроса из Средней Азии и Китая. При отсутствии собственного развитого ремесленного производства без этих поставок и ханство Кучума, и зависимые от него княжества региона были бы не в состоянии поддерживать боеспособность своих войск, в особенности во время военных столкновений с русскими.

Вторая глава диссертации посвящена анализу развития государственности у народов Западной Сибири в контексте социально–политических процессов на Евразийском континенте.

Значительное место в качестве одного из истоков складывания сибирской государственности в диссертации отводится тюркским каганатам. Действительно, в известных картографических источниках лесостепная полоса Западной Сибири указана как часть этих государственных образований, но археологические материалы не дают нам достоверных фактов распространения власти каганов на этот регион. Миграция носителей сроткинской культуры, на которую ссылается автор, является вынужденной миграцией части населения этого образования, которая растворилась в среде аборигенного населения в течение двух-трех поколений. Те элементы государственной системы, которые фиксируются в последующее время в тюрко-татарских государственных образованиях, например, градация верховной и военной знати, система военных подразделений и т.д. являются общими для всей тюрко-татарской государственности.

На этом фоне влиянию монгольской империи на формирование государственности Западной Сибири отводится гораздо меньшая роль: «Характер и степень влияния социально-экономических и политических процессов, происходящих в империи монголов, на локальные процессы Западной Сибири, являются предметами дискуссий. С точки зрения исследуемой темы, эту проблему представляется целесообразным сузить до вопроса о месте и роли привнесенных институтов государственности в процессе ее развития у местных аборигенов». В данном случае следует обратить внимание на то, что именно в результате вхождения населения (прежде всего тюркоязычного) лесостепной полосы Западной Сибири в состав Монгольской империи впервые было сформировано единое политическое пространство. Данное объединение коснулось не только верхушки общества, а всего населения данного региона – это фиксируется по археологическим материалам – материальной культуре, хозяйству, в погребальном обряде. Последующие государственные образования, в частности Сибирское ханство, получили возможность объединения значительных территорий именно благодаря сложившейся здесь ранее системе государственного управления.

Из трех предложенных версий формирования сибирской государственности – привнесенной со стороны Золотой Орды, как результат внутреннего развития общества и как сочетание внешних процессов и внутреннего развития государственности автор выбирает первую. «Социально-политическая жизнь этого административного образования (Тюменского (Туринского) вилайета) была неразрывно связана с золотоордынским пространством как его неотъемлемая часть не менее столетия перед формированием самостоятельного Тюменского, а затем и Сибирского ханства». При этом необходимо отметить наличие определенной сибирской специфики, заключающейся в известном отрыве элиты от остального общества не только в социальных, но и в традиционно-культурных отношениях.

Безусловно данная часть работы была бы не полной без анализа отношений государственных образований Западной Сибири и русских княжеств. Начало контактов относится еще к началу I тыс. н. э. и фактически не прерывается до момента присоединения сибирских земель к Московскому княжеству. Причем следует отметить последовательность в изложении материалов, где указывается постепенное, но постоянное увеличение торговых отношений, появление новых торговых путей, расширение ассортимента товаров. Если политические коллизии иногда приводили к разрыву межгосударственных отношений, то экономические только усиливались. В связи с этим походы Сибирского ханства на Строгановские владения необходимо рассматривать не только как межгосударственные действия, но и как торговое противостояние. Ведь в результате победившая сторона в десятки раз увеличила свой торговый оборот, а в Западной Сибири в кратчайшее время был сформирован единый рынок. На этом фоне Сергей Андреевич совершенно справедливо показывает отношения между Москвой и Искером в период Сибирского ханства, как равноправные – хан Кучум не признает соглашения Едигера о подданстве Москве и заявляет о своей полной независимости. Автор справедливо указывает: «Неизвестно, как складывались бы отношения сибирского и московского правителей дальше, если бы не изменился торгово-экономический контекст».

Третья глава работы посвящена вхождению государственных образований Западной Сибири в состав Русского государства – заключительному этапу в многовековой истории сибирской государственности. Как один из ключевых показателей, демонстрирующих потенциал государственных образований региона, автор совершенно справедливо указывает демографические показатели. Как нет государства без территории, так не может быть и полноценного государства без определенного количества подданных. С. А. Чернышов приводит разные оценки численности аборигенного населения Сибири к началу XVII в. – от 70 тыс. до 500–700 тыс. человек, склоняясь к последней оценке (с. 107–108). Полагаю, что и эта последняя цифра может быть заниженной. Методика подсчета численности коренных жителей Сибири в XVII в. по числу плательщиков ясака, предложенная Б. О. Долгих, заслуживает признания, но все же она весьма условна, не в полной мере учитывает разного рода злоупотребления ясачных сборщиков, заинтересованных в сокрытии потенциальных ясачных, не говоря уже о тысячах аборигенов, не плативших ясак, а также «неокладных» ясачных, к примеру, «неокладной юрацкой самоеди» в Западной Сибири.

Автор попытался максимально охватить данные, которые могут наиболее полно характеризовать государственные образования Западной Сибири, прежде всего Сибирского ханства. Это дало положительный результат, но следует отметить, что при анализе конкретных государств нельзя прибегать к общей оценке численности населения Сибири, так как те же Ишимское и Тюменские ханства образовались на территории с максимальной плотностью населения. Административные центры Сибирского ханства также находились в центрах проживания локальных этнических групп тюркоязычного населения, и именно такое положение позволяло максимально распространять свою власть на проживающее в данной местности население.

Несколько прямолинейно дана оценка действиям хана Кучума по распространению ислама в качестве официальной религии Сибирского ханства. С. А. Чернышов пишет: «Естественно, что такие действия Кучума не заставили ждать противодействия со стороны региональных элит» и ссылается на Г.Ф. Миллера в том, что «одного его приказа (хана Кучума)

не было достаточно для того, чтобы сменить древнее идолопоклонство на новую веру». В действительности верхушка татарского общества к середине XVI в. в подавляющем большинстве уже приняла ислам, и смысл реформ хана Кучума был в расширении этой религии на низшие слои татарского общества. С этой целью была создана сеть культовых мест «Астана», которые на время стали центрами исполнения мусульманских обрядов.

Детально рассмотрен С.А. Чернышовым процесс вхождения Западной Сибири в состав Русского государства. Проведена оценка противостоящих сторон, показан в целом весь поход Ермака и его атаманов, основные военные столкновения. Не стремясь показать что-то новое в этих событиях на фоне тысяч научных работ, посвященных этому походу, автор лаконично показывает причины разгрома Сибирского ханства, его слабость в военных противостояниях.

Несомненным достоинством заключительной главы работы является исследование политического развития аборигенных государственных образований Западной Сибири после их включения в состав Московского государства. С.А. Чернышов убедительно показал гибкость и прагматизм русских властей во взаимоотношениях с аборигенными элитами, как тюркскими, так и угорскими. Привлечение наиболее боеспособных и авторитетных в своей среде представителей татарской знати к военной службе («служилые татары») с соответствующими привилегиями, беспрецедентные льготы для бухарского купечества, подтверждение полномочий ряда хантыйских и мансийских князей по управлению обширными территориями сыграли чрезвычайно важную роль в окончательном присоединении Западной Сибири в составе России. Со временем, по мере увеличения русского населения в Сибири и строительством все новых городов и острогов, необходимость в лояльности и поддержке аборигенных элит снижалась, результатом чего явилось растворение, хотя и не полное, вчерашних мурз, князей (можно вспомнить князей Алачевых) и других представителей верхушки аборигенных народов в общей массе ясачных. Как политическая сила они практически перестали представлять для российских властей значимый интерес и, соответственно, закончилась история независимых и полунезависимых государственных и протогосударственных образований Западной Сибири.

К числу несомненных достоинств исследования С. А. Чернышова следует отнести научную добросовестность автора. Все приводимые в диссертации данные, почерпнутые из публикаций и исследовательских работ предшественников, снабжены указаниями на соответствующие издания. Это элементарное требование, которое, к сожалению, далеко не всегда соблюдается с такой тщательностью.

Помимо замечаний, приведенных выше, отметим и другие. Так, по нашему мнению, скрупулезный анализ политической истории Сибирского ханства, осуществленный в диссертации, конечно же, был необходим. Но также было необходимо дать более детальную характеристику других государственных (точнее – протогосударственных) образований в Западной Сибири – селькупских, хантыйских и мансийских княжеств. В связи с этим, было бы полезным осветить вопрос о взаимоотношениях этих княжеств в экономической, политической и военной сферах, поскольку сложность и противоречивость этих взаимоотношений во многом предопределили успешность действий русских властей в регионе. Впрочем, это скорее пожелание на будущее, поскольку в рамках кандидатской диссертации все эти проблемы осветить довольно сложно. В этой связи можно выразить пожелание в дальнейшем осветить роль зырян как посредников в торговом обмене между угорскими княжествами и русскими, как знатоков местных реалий и проводников в ходе русских экспедиций. О значимости роли зырян в

истории Западной Сибири свидетельствую, например, сотни зырянских топонимов в бассейне Оби и Иртыша.

Информативность приложения, которое состоит только из одной карты-схемы, явно недостаточна. При описании природно-географических зон, путей, границ государств, военных походов картография просто необходима. В приложениях уместно было бы привести имеющиеся в литературе реконструкции путей сообщения, городов, «городков», крепостей (Искер, Эмдер и др.), типов вооружений и доспехов разных народов Западной Сибири в рассматриваемое время.

Диссертация написана хорошим научным языком с точными и ясными формулировками и выводами, что выгодно отличает ее от ряда современных исследований с псевдонаучной манерой изложения. Имеются, правда, небрежности в оформлении справочного аппарата, ошибки и опечатки в написании имен и названий некоторых географических объектов: П. С. Палас вместо Паллас (с. 5), Соль Вычегорская вместо Вычегодская (с. 103) и др.

Работа С.А. Чернышова апробирована в виде докладов на научных конференциях разного уровня, основные положения и выводы диссертации опубликованы в 6 статьях, в том числе в 4 статьях в журналах, входящих в перечень ВАК, а также достаточно полно отражены в автореферате.

Все это позволяет сделать вывод о том, что диссертация С. А. Чернышова «Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации» по своей тематике, теоретическому и методологическому уровню, по вводимым в научный оборот источниками и методам их анализа, по новизне, достоверности и самостоятельности, научной и практической значимости выводов, по содержанию и оформлению полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент
заведующий сектором археографии и источниковедения
Института истории Сибирского отделения РАН,
доктор исторических наук
(07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования)

Элерт Александр Христианович

28.08.2017

Сведения об организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090 г. Новосибирск, ул. Николаева, 8;
Тел.: (383) 330-13-49; lamin@history.nsc.ru; <http://www.history.nsc.ru>